

О.В. Круподер

Кадровая политика органов госбезопасности в 1923–1934 гг. (на материалах хакасского аппарата ОГПУ)

Кадровый вопрос является важным звеном в формировании любой государственной структуры, в том числе и органов государственной безопасности. От профессионального уровня сотрудников, от их моральных качеств зависят эффективность и результативность работы. Для того, что бы понять кадровую политику советских спецслужб, необходимо учитывать потребности системы.

14 ноября 1923 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Хакасского уезда. В состав уезда были включены, помимо хакасских, русские селения, рудники и шахты. «Выделить инородческий район Минусинского уезда Енисейской губернии на правах отдельного Хакасского уезда в составе волостей: Минусинского уезда – Аскизской, Синявской, Усть-Абаканской, Усть-Есинской, Усть-Фыркальской; Ачинского уезда – Кызыльской и из Кузнецкого уезда Томской губернии – Сейской волости с абаканским лесничеством» [1, л. 2]. Административным центром уезда стало село Усть-Абаканское. В связи с этим постановлением был издан приказ №134/46 от 3 марта 1924 г. «Об образовании аппарата уездного уполномоченного по обслуживанию Хакасского уезда Енисейской губернии». В нем требовалось организовать в селе Усть-Абаканском аппарат уездного уполномоченного по обслуживанию Хакасского уезда Енисейской губернии по штату 3-й категории. Для аппаратов уездных уполномоченных ГПУ штат устанавливался в зависимости от размеров и населенности уезда. Он состоял из 5 человек.

С 1 октября 1925 г. начальником отдела ОГПУ по Хакасскому округу был назначен С.В. Шкитов, ранее занимавший должность уполномоченного ОГПУ [2, л. 38]. До апреля 1920 г. он являлся работником красноярской участковой транспортной ЧК. В апреле был переведен в Минусинск в качестве коменданта минусинской уездной комиссии. В архиве имеется интересный документ о выдаче подъемных денег для переезда из Красноярска в Минусинск сотрудников ЧК и их семей. «С.В. Шкитову – оклад 2300 рублей, подлежит к выдаче – 2300 рублей» [3, л. 32–33].

Забота о кадрах была важнейшей задачей. Во главу угла при приеме на работу в органы ставилась идейная убежденность. Необходимо было заполнить анкету, представить документы с последнего места работы, предъявить справку о состоянии здоровья, рекомендации двух членов партии, имевших стаж работы в органах не менее года. Учитывалось социальное

происхождение, партийная принадлежность, образование, компетентность. Причем для зачисления в штат сотрудников не являлось помехой нахождение человека под следствием на предыдущем месте работы за хозяйственные махинации [4, л. 3]. Ф.Э. Держинский так сформулировал один из главных критериев подбора кадров в органы ВЧК–ОГПУ: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас, в ЧК, необходимо оставить первого, вся суть, по-моему, в подборе людей, безусловно, честных всех и, где нужно, умных» [5, с. 446].

По мнению А.Г. Теплякова, изучение внутренней жизни чекистов Сибири позволяет сделать вывод о том, что отрицательная селекция, характерная для советской кадровой политики (отбор послушных, серых и безынициативных в ущерб талантливым и самостоятельно мыслящим), в чекистских органах была представлена в максимальной степени. Требования лояльности и послушания возводились в абсолют. Негативно сказывался на качестве чекистских кадров отбор сотрудников преимущественно из рабоче-крестьянской среды, имевших, как правило, начальное образование. Однако малограмотный чекистский аппарат в целом отвечал потребностям карательной политики, поскольку был достаточен для пресечения – зачастую превентивного – политической нелояльности, а большой нужды в реальной контрразведывательной работе не было: Монголия являлась союзным государством, раздробленному Китаю было не до шпионажа, а перед эффективной японской разведкой находился мощный буфер в лице чекистов Дальнего Востока. Многочисленные разоблаченные «шпионы» обычно не имели отношения к зарубежным спецслужбам [6, с. 281].

Методы борьбы с противниками большинство чекистского аппарата унаследовала еще со времен Гражданской войны. «Сам характер службы – не на жизнь, а на смерть – выработал за годы войны у них соответствующие качества: решительность, твердость, жесткость, непримиримость, «красно-белое» видение мира и др. Поэтому, часть чекистов не поняла новой экономической политики. Нэп, повлекший за собой денационализацию многих предприятий и легализацию частного капитала, совершил в их умах хаотический переворот» [7, с. 215]. Неудивительно, что многие работники ОГПУ восприняли этот факт как отход от ре-

волюционных принципов, от завоеваний революции. И как следствие – рост количества самоубийств.

Партийно-политический принцип комплектования кадрового состава был гарантией того, что в ВЧК–ОГПУ не проникнут случайные и ненадежные сотрудники. Штаты формировались преимущественно по классовому принципу. Бывшие сотрудники контрразведывательных органов царской России, дворяне (за исключением профессиональных революционеров), выходцы из других дореволюционных сословий не принимались на службу. Анализируя состав ОГПУ по партийной принадлежности, можно с уверенностью сказать, что органы занимали не последнее место по укомплектованности коммунистами. Например, на 13 апреля 1923 г. в центральном аппарате из 2232 чел. членами партии было 1678 (48,3%), в местных органах из 22485 чел. – 11826 (52,6%) [7, с. 217]. Характерным для советской системы было сращивание партийного и государственного аппаратов. Для продвижения вверх по карьерной лестнице необходимым условием являлась партийная принадлежность. В.Р. Менжинский считал, что не один настоящий коммунист не мог отказаться от работы в ЧК. Существовала практика партийных наборов.

Одним из основополагающих принципов отбора сотрудников было их соответствие рабоче-крестьянскому происхождению. Предпочтение отдавалось солдатам и матросам, выходцам из рабочих, беднейших слоев крестьян. В первые годы советской власти на работу в органы принимались и представители мелкобуржуазных слоев, которые преимущественно использовались на таких должностях, как машинистки, конторские работники, хозяйственные рабочие. Трудно не согласиться с мнением О.М. Санковской, что годы Гражданской войны явились переходным периодом, когда старая структура общества была разрушена, а новая еще не сформировалась. Поэтому при рассмотрении кандидатов при приеме на работу в качестве основного критерия брался показатель социального положения сотрудника на момент его поступления в органы. Вот типичная характеристика работника ОГПУ: «тов. Пакалн Ян Петрович, член партии с 1914 г., происходит из семьи батраков, партбилет №42872. С 1 марта 1924 г. состоит в должности уполномоченного ОГПУ по Хакасскому уезду» [2, л. 12].

Основную группу сотрудников в начале 1920-х гг. составляли преимущественно военнослужащие, причем большинство из них до призыва в армию были выходцами из крестьянской среды. Некоторые из сотрудников в годы Первой мировой войны дослуживались до унтер-офицеров. Так, начальник Хакасского облуправления НКВД Н.П. Хмарин находился в царской армии с 1916 г., где прослужил рядовым, а затем младшим унтер-офицером до декабря 1917 г. [8, л. 2].

Руководители ВЧК–ОГПУ в своей кадровой политике опирались на выходцев из рабоче-крестьянских

семей, считая это гарантией от нарушения социалистической законности своими работниками. В этой связи интересна точка зрения А.Н. Потресова, который подметил, «что пролетарское происхождение меньше всего гарантирует в его обладателе наличность пролетарского духа. Оно легко сочетается с духом совсем не пролетарским и даже антипролетарским, ибо, как полагается всякому марксисту, не сознание определяет бытие, а бытие сознание, и сколько-нибудь длительное пребывание на посту коммуниста «с положением» способно решительно вытравить последние остатки пролетарского сознания» [7, с. 218]. Дела об использовании служебного положения в личных целях работниками ОГПУ, милиции, прокуратуры рассматривались на закрытых заседаниях бюро Хакасского обкома ВКП(б). Нередким явлением среди работников низшего звена в районах было пьянство, присвоение чужого имущества, аморальное поведение. Так, на закрытой части Хакасского бюро обкома от 16 апреля 1934 г. разбиралось одно из таких дел. Второй пункт протокола звучал следующим образом: «Об антипартийном поведении уполномоченного ОГПУ по Аскизскому району т. Бирюкова, члена ВКП (б) с 1925 г. Тов. Бирюков систематически пьянствовал (6 случаев групповых пьянок и как система – индивидуальные выпивки), купив 5 баранов в колхозе, забил на мясо для своего аппарата (сотрудников райотдела ОГПУ), но деньги не взысканы и колхозу за баранов не уплачено. Получил от колхоза жеребенка для райотдела как подарок и на предложение областного отдела ОГПУ о немедленном возвращении, жеребенок был возвращен, но с большой задержкой. Все это явилось фактом явного перерождения, вместо того, что бы вести решительную борьбу и вскрывать подобные факты, Бирюков это скрывал, усугубляя факт подарка жеребенка. Своим поведением он дискредитировал органы ОГПУ и партию» [9, л. 10]. Но разбирательство дел такой направленности было характерно только для низшего звена аппарата.

Особенностью кадровой политики центральных учреждений Советской России, в том числе и ВЧК–ОГПУ явилось привлечение различных национальностей, как в низовых звеньях власти, так и наверху. Это явилось следствием политики большевиков в отношении представителей национальных меньшинств. Имея определенный образовательный уровень и не работая в государственных учреждениях до революции, «инородцы» вписывались в схему комплектования кадров. Например, будущий начальник УНКВД по Хакасской автономной области З.М. Якубсон в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с низового работника выдвинулся на руководящую работу, имея 4 класса образования начального училища в Херсоне. Выходец из еврейской семьи, отец – портной, кустарь-одиночка [10, л. 2]. По подсчетам О.М. Санковской, доля каждого из национальных меньшинств среди руководящего состава

и оперативных сотрудников центрального аппарата ВЧК была более весома по сравнению с долей этих национальностей среди общего числа работников комиссии. На основе анализа национального состава коллегии ВЧК она приходит к выводу, что после июля 1919 г. и до 1922 г. большинство членов коллегии ВЧК составляли представители этнических меньшинств [11, с. 17]. По мнению О. Капчинского, одним из факторов, который обусловил участие в формировании и деятельности ВЧК–ОГПУ поляков, латышей, евреев, было активное участие их представителей в революционном движении. «Однако сотрудничество в ВЧК национальных меньшинств имело и свою специфику, связанную с её функцией расправы с противниками большевиков из числа представителей царской власти, а также с невозможностью службы в ней специалистов дореволюционного сыска.

Угнетение национальных меньшинств при царской власти приводило многих их представителей в ряды революционеров, и соответственно они получали опыт нелегальной и боевой работы, а также знакомились с методами деятельности политического сыска. Имело значение и желание отомстить за своё бывшее бесправие» [12, с. 61].

Одним из направлений национальной политики в 1920-е гг. являлась так называемая коренизация. Её целью было привлечение представителей местных народностей к государственному управлению. Через систему льгот, «национальных наборов» в вузы началась ускоренная подготовка кадров, из которых впоследствии сложилась местная элита, занявшая основные административно-управленческие должности. Анализируя национальный состав органов ОГПУ на территории Хакасского уезда, округа, а затем и области, можно наблюдать следующую картину: поскольку штат был небольшой (первоначально не превышал 5 чел.), то процент национальных меньшинств был незначительным. На 1 января 1928 г. в хакасском отделе ОГПУ состояли 15 чел. Из них 13 мужчин и две женщины 2 [13, л. 22]. На 1 июня 1928 г. численность работающих увеличилась до 16 чел., из них один хакас [17, л. 23].

В качестве сравнения можно привести данные по другому национальному образованию – Бурят-Монгольской АССР. С середины 1920-х гг. там началась целенаправленная работа по набору сотрудников из числа бурят. «Бурят-Монгольский обком ВКП (б) указывал руководству спецслужб на слабую укомплектованность ОГПУ бурятами, которые нужны ОГПУ, дабы их можно было приспособить для работы по линии восточной. С ноября 1924 г. по март 1925 г. Восточное отделение возглавлял П.И. Гедымин. Кроме лам Восточное отделение занималось разработкой бывших ноенов, национальной интеллигенции, мусульманского населения и взаимоотношений бурятского населения республики с бурятской эмиграцией в Монголии»

[14, с. 24–25]. Прасковья Иннокентьевна Гедымин-Тюдешева, хакаска-багтрачка. Будучи ученицей Красноярской фельдшерской школы, примкнула к социал-демократическому движению. Бурят-Монгольская АССР являлась приграничной территорией, по площади и количеству населения значительно превосходила Хакасскую АО. Поэтому масштаб и характер деятельности различались. Следовательно, острой нужды в национальных кадрах не было.

В первые годы нэпа в подборе кадров наблюдались трудности. Это было связано с переходом сотрудников на работу в хозяйственные, партийные, советские учреждения, с боевыми потерями, заболеваниями, которые являлись следствием большого напряжения в работе. К тому же служба чекистов проходила на фоне трудных материальных условий. «При низком и не вовремя выплачиваемом денежном содержании они делали многочисленные отчисления для «красных» инвалидов, детских домов, для ликвидации последствий голода, в поддержку бастовавшим немецким и японским рабочим» [15, с. 446–447]. Очень тяжелыми были 1921–1922 гг. Перебои с получением и приобретением продуктов стали обычным явлением. В ряде районов страны летом 1922 г. положение стало критическим. Чекисты ходили плохо одетыми, голодными, утомленными от бессонных ночей. В таком же положении находились и семьи сотрудников. Армейский паек сотрудника Енисейского уездного чека на одного человека в месяц в пересчете с пудов и фунтов составлял: крупа – 2,38 кг, мясо – 3,17 кг, сахар – 1,19 кг, табак – 0,4 кг, спички – 4 пачки [2, л. 10].

С середины 1920-х гг. ситуация начала меняться: в 1923 г. в обращение вошел золотой червонец, были введены твердые оклады, улучшен продовольственный паек, продолжали действовать льготы для служивших в отдаленных районах. Например, использовались следующие тарифные ставки: Ачинский, Минусинский, Канский, а позднее и вновь образованный Хакасский уезд – 50%; Красноярск и Енисейский уезд – 60%, Туруханский край – 80% [2, л. 18]. С 1923 г. размер продовольственного пайка для красноармейцев войск ОГПУ в день был следующим: 307–410 г хлеба, 140 г – мяса, 21,3 г – масла, 4 гр – кофе, 16 г – соли [7, с. 229].

С 1923 г. были введены следующие оклады. В центральном аппарате они были несколько выше. Например, председатель ОГПУ на начало 1923 г. получал 225 руб. Такой же оклад по должности получали его заместители, секретарь, начальники управлений, начальники отделов и т.д. [7, с. 229]. Для сравнения можно привести данные о движении выплачиваемых окладов сотрудникам Енисейского губернского отдела ГПУ с января по сентябрь 1923 г. Сотрудники были разделены на три разряда. Низший разряд в январе получал 96 руб., в сентябре уже 5832 руб. Средний – 240 руб. (январь), 14580 руб. (сентябрь). Высший – 368

руб. (январь), 21870 руб. (сентябрь) [16, л. 384]. Как мы видим, оклады сотрудников за 9 месяцев увеличились в несколько раз.

Тем не менее изменения в материальном положении сотрудников происходили медленно. Проанализировав обращения в местные органы власти и парткомы сотрудников ОГПУ по поводу бедственного материального положения, можно сделать вывод о декларативности решений. Так, в своем обращении ПП ОГПУ ЗСК Л.М. Заковский от 15 января 1932 г. председателю западносибирского крайисполкома Грядинскому писал: «Из поступающих с мест сведений видно, что во многих районных пунктах ЗСК сотрудники ОГПУ находятся в чрезвычайно скверных жилищных условиях, в одной комнате живет по несколько человек, в некоторых пунктах даже по две семьи. Причем в своем большинстве квартиры сотрудников недостаточно оборудованы и отремонтированы, имеет место предоставление под квартиры полуподвальных помещений. Естественно, что такие жилищные условия создают очень благоприятные условия для различного рода заболеваний, как среди самих сотрудников, так и членов их семей.

Вполне понятно, что это отражается на работе местных органов ОГПУ. На месте районные исполнительные комитеты (РИКи) зачастую не уделяют этому вопросу достаточного внимания и не принимают мер к улучшению жилищных условий сотрудников ОГПУ, несмотря ни на какие просьбы последних. Наряду с необеспеченностью квартирами работников ОГПУ в «некоторых пунктах весьма неудовлетворительные помещения, занимаемые канцеляриями районных аппаратов, ветхие, требующие ремонта» [17, л. 39].

В то же время, как правильно подметил А.М. Плеханов, ОГПУ не было самым «бедным ведомством». Отпускаемые средства в основном шли на ведение оперативной работы и совершенствования чекистско-

го аппарата. Порой средств, выделяемых из центра, не хватало. В этом случае начальники отделов просили местные органы власти часть расходов взять на себя. Например, хакасский отдел ОГПУ секретную почту отправлял фельдьегерской связью через Минусинск 3 раза в месяц. На содержание курьерской команды требовались средства. По этому поводу 16 января 1924 г. состоялось заседание Енисейской губернской планово-бюджетной комиссии о принятии на местный бюджет содержание курьерской команды связи ГПУ до Минусинска и Енисейска. Смета расходов составляла 241,4 руб. в месяц. Заседание постановило: отклонить как расход, не предусмотренный перечнем расходов, отнесенных на местный бюджет [18, л. 4].

С первых дней своего основания руководящие органы ВЧК–ОГПУ одной из своих главных задач считали подбор и заботу о кадрах. В условиях нэпа нужны были сотрудники, способные работать по-новому, с учетом их идейной убежденности, социального происхождения. Это было гарантией того, что в ряды ВЧК–ОГПУ не проникнут неблагонадежные элементы. Советской власти нужен был орган, который строился на иных принципах, иной кадровой политике, нежели царская полиция. При подборе кадров практиковались партийные мобилизации. Сотрудников принимали на работу руководителями организаций по рекомендации партийных ячеек. На качестве чекистских кадров отрицательным образом сказывался набор сотрудников преимущественно из рабоче-крестьянской среды, имевших, как правило, начальное образование. На содержание чекистского аппарата тратились значительные средства, но они шли в первую очередь на оперативную работу. В то же время материальное положение сотрудников оставалось на довольно низком уровне. В целом работа по расстановке и подбору кадров строилась с учетом задач по обеспечению политики партии.

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). – Ф. Р49. – Оп. 1. – Д. 380.
2. Отдел документов новейшей истории государственного архива Республики Хакасия (ОДНИ ГАРХ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 24.
3. ГАКК. – Ф. Р1874. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 119.
5. Государственная безопасность России: История и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2004.
6. Тепляков, А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. / А.Г. Тепляков; под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 2007.
7. Плеханов, А.М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921–1928 / А.М. Плеханов. – М., 2006.
8. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 312.
9. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 269.
10. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 338.
11. Санковская, О.М. Формирование кадров ВЧК, 1917–1922 гг. (на материалах центрального аппарата ВЧК) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.М. Санковская. – Архангельск, 2004.
12. Капчинский, О. Мы одной крови... / О. Капчинский // Родина. – 2007. – №12.
13. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 240.
14. Тушемилов, В.К. История ГПУ–ОГПУ Бурят-Монгольской АССР (1923–1934 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.К. Тушемилов. – Иркутск, 2004.
15. Государственная безопасность России: История и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2004.
16. ГАКК. – Ф. Р49. – Оп. 2с. – Д. 96. – Ч. 2.
17. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. 47. – Оп. 5. – Д. 165.
18. ГАКК. – Ф. Р49. – Оп. 2с. – Д. 126.